

пление от привычных взглядов и признать существование «малых и частных неустройств». Но он еще поспешно добавляет, продолжая верить и надеяться, что они, конечно, «в обществе связь его не нарушат» (Спасская полесь).

На этом заканчивается первый этап испытания героя. Он уже обогатился опытом и убедился, что не все так благополучно в государстве, как ему казалось. Путешественник едет дальше. Новые факты выстунают перед ним; между тем он еще не разрешил свою тяжелую думу о причине расхождения прежних представлений о жизни с подлинными фактами действительности. Он помнит, что есть самодержец, есть императрица — в ней надежда на исправление неустройств. Следует сон, оформляющий эту сладкую мечту встревоженного человека, но читатель, прочтя его, улыбается: автор поспешил ему на помощь, автор не хочет, чтобы хоть капля надежды на цря запала в душу читателя, и иронией он взрывает эту надежду. Путешественник на почтовых мчится дальше — навстречу новым фактам. «Новгород» наводит на размышления о естественном праве — выводы неутешительны: «Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждающ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвоет. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: Если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобное себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском: кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: Кто сильнее. — Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного! Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. — Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается, и думает как бы лошадей поскорей промыслить» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, стр. 108).

Путешественнику уже слишком хорошо знаком Карл Дементьевич с его опорой не только на естественное, но и на вексельное право. Вновь, неожиданно для себя, он обнаруживает противоречие — вексельное право, введенное правительством как закон, есть не что иное, как законом разрешенные обман и жульничество: «Введенное повсюду вексельное право, то-есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением, для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но от чего же буде нет честности в дающем вексельном обязательстве, от чего оно тщетная только бумажка? Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать кому он доверяет? О ком законоположение более пещися долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто боле в глазах